ОЛК
Керенский
Итоги IV сессии

Керенский

ОИК

Полит.

Кн. чит. стр. все. а

1-й экз. с. Фонд

16350
2 - VII 1930

Керенский, А. Ф.

ИТОГИ ЧЕТВЕРТОЙ СЕССІИ.

I.

Никогда еще третье-іюньская Гос. Дума не привлекала къ себѣ столь пристальнаго общественнаго вниманія, какъ въ началѣ четвертой сессіи, — лѣтомъ 1915 г.; никогда еще ея роспускъ не вызывалъ такого громкаго отзвука въ странѣ, какъ это было 3-го сентября прошлаго года. Казалось, русское общество перебрасывало къ думскому большинству мостъ нѣкотораго довѣрія и сочувствія... а между тѣмъ, лѣтомъ этого года, сессія прекратилась при общемъ равнодушіи, въ атмосферѣ разочарованія, а иногда и озлобленія! Почему? Думаю, отдать себѣ отчетъ въ причинахъ этого быстраго „паденія“ — отъ 3-го сентября 1915 г. къ 21 іюня 1916 г., — нужно. Нужно остановиться не на дѣловыхъ результатахъ этой сессіи (такихъ почти и нѣтъ), а, главнымъ образомъ, на итогахъ новаго „партійнаго единенія“. Единенія не того „патріотическаго большинства“ (отъ г. Маркова II до г. Милюкова), подъ флагомъ котораго прошли недолгіе дни третьей сессіи, а большинства новаго — „прогрессивнаго“ *), исключившаго изъ своей среды двѣ крайнія фракціи справа. Это исключеніе было неизбѣжно на томъ пути „изъ Азіи въ Европу“, по которому Гос. Дума стала медленно двигаться послѣ событій на рѣкѣ Санѣ. Офиціальныя партіи старой власти не могли остаться въ большинствѣ, лишь только пассивное состояніе со взоромъ упованія, устремленнымъ на „традиціонные устои“ во имя „единенія и побѣды“, подъ ударами событій перешло въ попытку во имя тѣхъ же „единенія и побѣды“ вмѣшаться въ управленіе государствомъ, т. е. въ попытку борьбы за власть (борьбы, правда, одними неосознанной, другими тщательно маскируемой).

Помнить нужно, что „на первый планъ въ платформѣ блока было выдвинуто требованіе министерства, пользующагося довѣріемъ страны **), или, какъ писалось въ пунктѣ 1-мъ этой самой платформы, — „созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и *согласившихся съ законодательными* учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы“.

---

*) Болѣе точно было бы называть это „центральное объединеніе“ шести партій не „прогрессивнымъ“, а „консервативно-либеральнымъ“ блокомъ. Это точно соотвѣтствовало бы партійному составу блока и не порождало бы никакихъ недоразумѣній въ широкихъ кругахъ.

**) А. А. Корниловъ. „Парламентскій блокъ“, стр. 13.

Такимъ образомъ, осуществленіе законодательной программы было совершенно опредѣленно поставлено подъ условіе предварительнаго достиженія первой основной задачи — созданія новаго правительственнаго аппарата. Это была та самая программа, „въ которой, по компетентному мнѣнію одного изъ творцовъ блока, скорѣе можно было бы искать сходства съ тогдашними (въ 1906 г.) заявленіями И. Л. Горемыкина", чѣмъ съ требованіями, провозглашенными 10 лѣтъ назадъ лѣвыми партіями*). Заявленіе И. Л. Горемыкина — это, очевидно, отвѣтъ его на адресъ первой Гос. Думы. Какъ умѣетъ шутить исторія, а иногда и зло смѣяться! Въ 10-тилѣтній юбилей Первой Гос. Думы, при томъ же И. Л. Горемыкинѣ, подъ документомъ, сходнымъ со знаменитымъ „Non possumus" правительства въ 1906 г., оказались подписи тѣхъ, кто тогда подписывалъ не менѣе знаменитый адресъ!

Итакъ, обновленіе центральной власти на извѣстныхъ условіяхъ для осуществленія въ ближайшее время опредѣленной административно-законодательной программы, признававшейся въ общемъ и цѣломъ еще 10 лѣтъ тому назадъ самой властью (даже персонально И. Л. Горемыкинымъ), — вотъ задача, поставленная себѣ думскимъ большинствомъ лѣтомъ 1915 г. Разрѣшить эту задачу „въ ближайшее время" хотѣли, конечно, исключительно „парламентскимъ путемъ", опираясь лишь на консервативно-либеральные круги. Открытый разрывъ съ демократіей во имя ближайшихъ задачъ впервые былъ положенъ либералами въ основаніе цѣлой тактической программы, какъ лучшій методъ скорѣйшаго достиженія очередныхъ „національныхъ" задачъ.

Итоги 4-й сессіи Гос. Думы, какъ результатъ этого новаго метода, — вотъ предметъ очень и очень достойный вниманія не только самихъ сторонниковъ этого метода, но и демократіи, — насъ, кто все это время были зрителями или, скорѣе, играли роль хора въ греческихъ трагедіяхъ. Помните, хоръ этотъ являлся толкователемъ дѣйствій героевъ, а иногда на его долю выпадала и обязанность предсказывать грядущія событія. Понять разыгрывавшееся передъ нами парламентское „дѣйство" особенно интересно и потому, что опытъ организаціи pays legale безъ всякаго уклона въ сторону демократіи происходитъ (а можетъ быть, происходилъ?) въ условіяхъ для такого опыта особенно *благопріятныхъ*. Во-первыхъ, исключительная острота переживаемаго момента должна была вызвать и исключительное напряженіе чувства отвѣтственности, сознанія гражданскаго долга, наконецъ, личной доблести въ рядахъ „зрѣлыхъ" политиковъ. Все это должно было выразиться въ особой сплоченности блока, въ единствѣ и напряженности дѣйствія. Во-вторыхъ, на пути къ поставленнымъ цѣлямъ блокъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій со стороны независимыхъ общественныхъ силъ, такъ какъ по цѣлому ряду причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить,

*) П. Н. Милюковъ. „Тактика партіи Нар. Своб. во время войны", стр. 38.

организованная демократія предоставила блоку свободу рукъ*), а всѣ остальныя партіи, кромѣ офиціально-правительственныхъ, сами вошли въ блокъ. Да, демократія не только предоставляла свободу рукъ, но и поддерживала всякое подлинно-прогрессивное начинаніе блока и его внѣдумскихъ сторонниковъ. Такимъ образомъ, свободный входить въ любой компромиссъ съ властью, блокъ въ то же время долженъ былъ ощущать за собою надежный тылъ и смѣло направлять всю ударную массу въ главную цѣль. Наконецъ, сама „октябристская“ программа блока настолько элементарна, что для какихъ-либо расхожденій внутри самаго блока при выполненіи программы, казалось бы, уже не оставалось мѣста.

Да, очевидно, и сами участники „центральнаго объединенія“ субъективно очень высоко оцѣнивали свои силы. Хотѣли только одного, чтобы имъ „не мѣшали“. Передъ ними былъ примѣръ Европы. Тамъ правительства и руководящія партіи государствъ, организованныхъ технически несравненно совершеннѣе Россіи, при первомъ сознаніи, что „родина въ опасности“, искали спасенія во всенародной организаціи, въ подлинномъ „единеніи всѣхъ живыхъ силъ страны“. Всюду — въ Англіи и Франціи, Италіи и Германіи — сдѣланы были болѣе или менѣе удачныя попытки привлечь къ участію въ дѣлахъ государственныхъ новыя творческія *силы*. Тамъ стремились *распредѣлить отвѣтственность* за событія „военной эпохи“ равномѣрно на всѣ политическія партіи, особенно на партіи, включающія въ себѣ трудящіяся массы. *Такова была военная тактика господствующихъ клас-*

---

*) Въ марксистскомъ сборникѣ „Подъ старымъ знаменемъ“ напечатана статья И. Степанова „О прогрессивномъ блокѣ“. Эту статью я считаю нужнымъ отмѣтить, какъ образецъ недопустимыхъ пріемовъ полемики. Въ этой статьѣ (стр. 42) говорится, напримѣръ, что „трудовики были глубоко обижены, что ихъ не пригласили къ предварительнымъ работамъ по созданію блока“, что „имѣются серьезныя основанія утверждать, что они не поставили бы препятствій сформировать блокъ приблизительно съ той самой программой“, что „ихъ внутри-думскія отношенія мало назвать даже благожелательнымъ нейтралитетомъ, въ дѣйствительности — это прямо трогательная по своему политическому безкорыстію, но и отталкивающая по тому же близорукому безкорыстію, поддержка думскаго блока“, что „формально не входя въ блокъ, прямо не участвуя въ его совѣщаніяхъ, трудовики фактически соучаствуютъ въ выработкѣ его тактическихъ плановъ“. Изъ всего этого нагроможденія лжи и нелѣпыхъ измышленій вѣрно лишь то, что трудовики, какъ и соц.-демократы, были поставлены передъ фактомъ блока, созданнаго отъ нихъ въ глубокой тайнѣ; что, какъ и до образованія блока, трудовики вмѣстѣ съ с.-д. поддерживали своими голосами всякій подлинно прогрессивный шагъ большинства, толкая его совмѣстными усиліями въ сторону организаціи живыхъ силъ страны и безпощадно разоблачая всѣ анти-демократическія выступленія блока. Пора бы отказаться отъ такихъ пріемовъ политической борьбы, особенно въ наше исключительно отвѣтственное время.

Еще менѣе простительно офиціальному апологету блока, А. А. Корнилову, писать, что „въ Г. Думѣ къ блоку не присоединились ближайшіе сосѣди фракціи народной свободы — трудовики и с.-д.“ (цит. соч., стр. 21). Да вѣдомо ему будетъ, что никто и никогда не пытался вступать съ нами въ соглашеніе по этому поводу.

совъ на Западъ. Но недаромъ говорится, что „у насъ не Англія". Въ началѣ войны будущіе блокисты, несмотря на усиленные призывы со стороны демократіи „къ вмѣшательству", впали въ полную пассивность, вернувшись къ восточнымъ традиціямъ „безъ лести преданныхъ" слугъ, а затѣмъ, очнувшись подъ раскаты грома на Западѣ отъ этого столбняка, рѣшили сдѣлать диверсію въ сторону власти, но... своеобразно понимаемымъ „парламентскимъ путемъ". Это былъ путь — во что бы то ни стало демонстрировать „сплоченное большинство" законодательныхъ учрежденій. „Блокъ есть только парламентскій блокъ, притомъ составленный для даннаго только момента.... онъ заключенъ *не между* опредѣленными *партіями въ странѣ*, а лишь между отдѣльными фракціями Гос. Думы и Гос. Совѣта" *). Другими словами — задача организаціи всѣхъ творческихъ силъ страны была замѣнена стремленіемъ *сколотить* большинство въ Гос. Думѣ 3-го іюня съ попыткой опереться даже и на Гос. Совѣтъ!**).

Велика была, видимо, увѣренность членовъ консервативно-либеральнаго блока въ своихъ силахъ, разъ такъ легко они взяли на себя отвѣтственность за попытку только своими силами справиться съ причинами, увлекавшими страну на край опасности. А можетъ быть, была не столько увѣренность въ себѣ, сколько разсчетъ на растерянность „начальства". Во всякомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, внѣшнія условія сложились благопріятно для того, чтобы juste milieu русской общественности проявило всю свою активность, силу и мудрость.

Съ другой стороны, та увѣренность, съ которой было дано поручительство, что „это центральное объединеніе... на плечахъ русской общественности вынесетъ Россію изъ труднаго момента, какой мы теперь переживаемъ" ***), — эта увѣренность, говорю я, не даетъ возможности уклониться отъ той серьезной отвѣтственности за дѣйствительныя послѣдствія дѣятельности этого центральнаго объединенія. А тѣ исключительныя затрудненія, которыя мы переживаемъ, едва черезъ годъ послѣ 6 авг. 1915 г. — „дня рожденія блока" — дѣлаютъ вопросъ объ отвѣтственности весьма актуальнымъ.

Посмотримъ же, каковы были итоги. Нужно сказать, что тотъ ураганъ событій, въ которомъ мы живемъ, слишкомъ скоро заставляетъ забывать о послѣдовательности событій и часто то, что было ante factum, превращается въ post factum. Эта „ошибка

---

*) А. А. Корниловъ, цит. соч., стр. 20. Курсивъ вездѣ мой.

**) Стоитъ ли объяснять, что ссылка на тождество этого процесса „сколачиванія" большинства въ русской Г. Думѣ съ образованіемъ вліятельнаго „національнаго большинства" въ парламентѣ всеобщаго избирательнаго права болѣе чѣмъ несостоятельна. Не назовемъ же мы папуаса, который въ костюмѣ Адама нацѣпитъ на себя цилиндръ, — европейцемъ... А съ другой стороны, кто же испугается добраго домашняго пса, если на него надѣнутъ ошейникъ съ надписью — „се левъ!"

***) Ст. отч. Г. Д. IV сес., 14 засѣд., стр. 1071.

памяти" особенно часто случается, когда говорятъ объ итогахъ дѣятельности блока, и всегда въ сторону для него благопріятную. Такъ, блоку приписываютъ, напримѣръ, уходъ Маклакова, Щегловитова и Сухомлинова, хотя все это случилось гораздо раньше самыхъ первоначальныхъ попытокъ созданія блока. Въ активъ ему ставятся созывъ Гос. Думы на 19 іюля прошлаго года, хотя, какъ извѣстно, большинство партій, затѣмъ вошедшихъ въ блокъ, послѣдними присоединились къ начатой слѣва еще въ мартѣ агитаціи за созывъ. Очень многіе готовы приписать блоку и „мобилизацію промышленности", хотя и движеніе въ пользу этой мобилизаціи началось и фундаментъ ея былъ заложенъ опять таки до рожденія блока. Наконецъ, самый преждевременный роспускъ Гос. Думы лѣтомъ прошлаго года приписывается „испугу" власти передъ блокомъ. Къ этому вопросу мы еще вернемся; напомню здѣсь только одно, что начало кампаніи за роспускъ *нужно отнести къ 27 іюля*, т. е. опять-таки ко времени предшествующему „рожденію" блока.

Всѣ перечисленные мною только что событія были вызваны одной и той же причиной — движеніемъ гнѣва и стыда въ странѣ, движеніемъ, достигшимъ своего высшаго напряженія какъ разъ ко времени созыва Государственной Думы. Это оно смѣстило четырехъ наиболѣе „любимыхъ" министровъ. Это оно пробудило самодѣятельность промышленныхъ классовъ, вызвало къ жизни Государственную Думу, насторожило Совѣтъ Объединеннаго Дворянства. Оживленіе политической мысли и воли въ низахъ — вотъ основной фонъ, дававшій силу и значеніе всякому слову на верхахъ жизни — въ Государственной Думѣ.

Съ каждымъ днемъ положеніе Думы дѣлалось труднѣе. Роль центра общенароднаго движенія была явно ей не по плечу. Все яснѣе вырисовывалась необходимость для колеблющихся среднихъ группъ выбирать или „равненіе по странѣ" или „равненіе по большинству Государственной Думы". Выборъ былъ сдѣланъ. Второй лозунгъ восторжествовалъ — роспускъ Государственной Думы сдѣлался возможнѣе, безопаснѣе *).

Что причиной преждевременнаго окончанія работъ осенью 1915 года отнюдь не былъ блокъ, какъ таковой, видно хотя бы изъ не разъ появлявшагося въ печати извѣстнаго письма г. Струкова. „...Поэтому постоянный совѣтъ, какъ органъ объединяющій мнѣнія россійскаго дворянства, считаетъ долгомъ представить правительству, что по его глубокому убѣжденію произносимыя и передаваемыя прессой во всѣ концы страны лѣвыя рѣчи, нѣкоторыя заключенія столичныхъ совѣщаній, и злоупотребленіе печатнымъ

*) Примѣръ. Утромъ 3-го сентября стало въ Думѣ извѣстно о предстоящемъ въ этотъ день роспускѣ. Въ кабинетѣ предсѣдателя былъ устроенъ экстренный совѣтъ старѣйшинъ. Стали обсуждать порядокъ засѣданія. Я сказалъ, что при обсужденіи текущихъ дѣлъ нельзя будетъ обойти молчаніемъ и не дать оцѣнки послѣднему событію. Объявили перерывъ. Блокъ посовѣщался и постановилъ: устроить „засѣданіе молчанія". Такъ и было.

словомъ являются предвѣстниками новыхъ смутъ"... Что Государственная Дума принуждена была прервать свои работы, именно, какъ возможный фокусъ широкаго движенія, а вовсе не какъ цитадель блока, подтверждается лучше всего исторіей „разъѣзда" Государственной Думы на каникулы этимъ лѣтомъ, исторіей длинныхъ каникулъ прошлой зимы и, наконецъ, общимъ характеромъ выступленій представителей „центральнаго объединенія" въ теченіе этой четвертой сессіи. Сентябрь пятнадцатаго года и іюнь шестнадцатаго — какая огромнаго размѣра дистанція! Какая поучительная исторія! Заявленія лѣтомъ прошлаго года о необходимости длительной (перманентной) сессіи, затѣмъ „внезапный" роспускъ, встрѣченный молчаніемъ новаго большинства, длинные мѣсяцы перманентныхъ каникулъ, все новыя отсрочки созыва съ ноября на январь, съ января на февраль... (Увы, отсрочки эти приносили лишь облегченіе большинству. Не разъ въ это время говорилось: „только бы не догадались насъ собрать!"). Наконецъ, финалъ — мирный разъѣздъ по домамъ въ іюнѣ этого года на новый пятимѣсячный отдыхъ. Я говорю именно „Разъѣздъ", потому, что на этотъ разъ дѣйствительно *Государственная Дума самоупразднилась,* и правительство оказало ей подлинную услугу, согласившись, наконецъ, распустить ее. Я помню, какъ безплодны были всѣ наши попытки добиться отъ руководящаго большинства мѣръ къ продленію сессіи хотя бы до августа. А хорошо освѣдомленный о дѣйствительныхъ настроеніяхъ работоспособнаго большинства премьеръ-дипломатъ дѣлалъ видъ, что вовсе не собирается распускать на каникулы Думу, заставляя думскихъ политиковъ ломать голову надъ вопросомъ, какъ же добиться роспуска сверху. Такъ вмѣстѣ съ паденіемъ волны общественнаго подъема исчезла и воля думскаго большинства къ бытію, превратившись, наконецъ, въ неудержимое стремленіе возвратиться къ мирнымъ занятіямъ у домашнихъ очаговъ.

Да иначе и быть не могло, когда самъ предсѣдатель бюро блока, С. И. Шидловскій, еще девятаго февраля 1916 года призналъ, что за время съ 3-го сентября „подъ покровомъ спокойствія въ ней (въ народной душѣ) совершились глубокія перемѣны; лишенныя единства цѣли и руководства, силы народныя тратились безплодно и подъ разлагающимъ вліяніемъ недовольства и равнодушія, худшаго, чѣмъ недовольство, слабѣлъ великій народный порывъ". (Стен. от. Г. Д. Сессія IV, засѣданіе 17, стр. 1249). А четвертаго марта другой руководитель „центральнаго объединенія" уже признавалъ, что „мы стоимъ не въ состояніи устойчиваго равновѣсія, а въ состояніи нѣкотораго оползня, движеніе котораго внизъ ускоряется съ геометрической быстротой". Онъ призывалъ „всѣхъ здѣсь вмѣстѣ воспротивиться тому, чтобы продолжалось дальнѣйшее сползаніе". Но, увы, этимъ лѣтомъ, по окончаніи сессіи, одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ блока призналъ въ „Русской Мысли", что „тупикъ есть". „Горячо защищая прогрессивный блокъ и считая его правильнымъ, разумнымъ политическимъ ходомъ, я не могу не видѣть его слабыхъ сторонъ, не стану отрицать его *безсилія.* Прогрессивный блокъ

несомнѣнно, долженъ быть оплодотворенъ идеей союза всѣхъ живыхъ силъ страны" *).

Таковъ печальный конецъ пути, по которому постепенно сползали укрѣпившіеся на склонѣ! Очевидно, ничего грознаго не представляли изъ себя эти склоняющіяся долу фаланги „зрѣлыхъ" политиковъ, а скорѣе сами они являли собой зрѣлище весьма конфузное. И правда, не успѣли еще господа члены Верхней Палаты дать свои подписи подъ „условіями" блока, какъ уже трижды отреклись отъ нихъ подъ угрозой потерять курульныя кресла! И исчезла, какъ дымъ, „конъюнктура, небывалая въ исторіи молодого русскаго парламента", когда мы *„будемъ имѣть* по ряду вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ прямо зависитъ дѣло организаціи побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, *сплоченное большинство не только въ Нижней, но и въ Верхней Палатѣ* **).

Увы, намъ пришлось впослѣдствіи быть свидѣтелями, какъ уже „сплоченное большинство" и въ Нижней Палатѣ голосовало, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Это случившееся *передъ* открытіемъ сессіи исчезновеніе „небывалой конъюнктуры" въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ бы предрекало переходъ всего „центральнаго объединенія" на новыя позиціи... уже только *для обороны*.

Еще передъ открытіемъ сессіи въ январѣ этого года мнѣ пришлось писать: „Пойти горемыкинской дорогой до конца не рѣшались... и на горизонтѣ появился „дипломатъ" по преимуществу, знатокъ бюрократической игры. Создать *видимость возможности,* вести многообѣщающіе разговоры и тѣмъ дать поводъ Г. Д. перейти къ „тактикѣ выжиданія" — вотъ задача, которая сейчасъ ставится. Удастся-ли? Съ увѣренностью сказать, что нѣтъ, нельзя" („Сѣв. Зап." Январь, 1916 г., стр. 191). Каюсь, тогда я переоцѣнилъ стойкость большинства, — задача, поставленная себѣ дипломатомъ, удалась болѣе, чѣмъ блестяще.

И дѣйствительно, основное требованіе блока — добиваться кабинета, облеченнаго довѣріемъ страны и согласившагося съ законодательными палатами — въ декларации, произнесенной 2-го февраля т. г. отъ имени шести фракцій (блока), превратилось въ невинное „всеобщее желаніе, чтобы страна могла довѣрять своему правительству и чувствовать себя съ нимъ единой", и это невинное всеобщее желаніе „было злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть". Необходимо, по мнѣнію оратора, С. И. Шидловскаго, „созданіе правительства изъ лицъ, способныхъ и знающихъ, сильныхъ довѣріемъ страны, готовыхъ рѣшительно измѣнить примѣнявшіеся доселѣ способы управленія и могущихъ работать въ согласіи съ народнымъ представительствомъ". Впечатлѣніе отъ этой новой формулы на того, „кто слушалъ, да ѣлъ", прекрасно передано П. Н. Милюковымъ въ засѣданіи 4-го марта: — „Мы облекли свою мысль объ отношеніи нашемъ къ правительству, мысль въ существѣ своемъ вполнѣ

*) „Русская Мысль", іюль 1916 г. А. С. Изгоевъ. „На перевалѣ". Стр. 105.

**) Корниловъ. Цит. соч., стр. 18.

ясную, въ корректную форму. Правительство успокоилось... даже *перестало посѣщать насъ*". Бѣдные, бѣдные джентльмены — какое безнадежное предпріятіе въ бѣлыхъ перчаткахъ браться за ту работу, которую выполнялъ Геркулесъ въ знаменитыхъ конюшняхъ!

Однако, эта новая формулировка, сводящая весь вопросъ на *лицъ*, „способныхъ и знающихъ, сильныхъ довѣріемъ и могущихъ работать въ согласіи съ Г. Д.", формулировка еще болѣе гутаперчевая, чѣмъ первоначальная формула, которая предусматривала все-таки *единый* кабинетъ, долженствовавшій *формально* согласиться съ законодательными учрежденіями на извѣстной программѣ, — дала возможность блоку фактически *снять съ очереди основное свое требованіе*. Больше того, новый, такъ сказать, личный критерій „довѣрія" далъ возможность съ быстротой воистину непостижимой перейти отъ „бойкота" кабинета, въ составѣ котораго были Харитоновъ, Кривошеинъ, Сазоновъ, Поливановъ, Щербатовъ, — къ овапіямъ „довѣрія" по адресу А. Н. Наумова, участника всѣхъ тѣхъ совѣщаній, въ результатѣ которыхъ послѣдовали письмо г. Струкова и „событіе 3-го сентября". Своеобразный путь къ завоеванію довѣрія самобытнаго русскаго „сплоченнаго большинства!" Затѣмъ перечисленные выше министры, по мѣрѣ ухода, объявлялись блокомъ „въ извѣстной мѣрѣ заслуживавшими довѣрія страны", а уходъ С. Д. Сазонова вызвалъ даже цѣлый вихрь телеграммъ, манифестировавшихъ это довѣріе.

Вся эта исторія о томъ, „какъ блокъ шелъ на войну", особенно пикантна, если вспомнить, что другое, но тоже „сплоченное большинство" Государственнаго Совѣта сбросило съ министерскаго кресла А. Н. Наумова, только что вступившаго въ entente cordiale съ „объединеннымъ большинствомъ" Государственной Думы. И вѣнцомъ этой рѣшительной борьбы за немедленное, „во имя побѣды" созданіе министерства довѣрія, былъ, конечно, послѣдній *переходъ* изъ блока прямо въ министерство Б. В. Штюрмера.

Отступая въ безпорядкѣ на главномъ своемъ оперативномъ направленіи, исходя, видимо, изъ сознанія, что всякій конфликтъ съ министерствомъ „рѣшился бы въ пользу ихъ дальнѣйшаго существованія, а не нашего" *), „сплоченное большинство" Государственной Думы принуждено было подъ натискомъ правыхъ постоянно защищаться и *оправдываться*. — „Вы говорите, съ благороднымъ негодованіемъ восклицалъ д. Шульгинъ, что мы, въ пунктѣ первомъ, хотимъ отвѣтственнаго министерства. Нѣтъ, господа, мы хотимъ только такого министерства, при которомъ не печаталось бы то, что сейчасъ печатается въ газетахъ... Что касается возстановленія малорусской печати, я не поклонникъ въ этомъ смыслѣ малорусскихъ стремленій, мы говоримъ о возстановленіи той печати, которая способствовала побѣдѣ" **).

*) Стеногр. отч. Г. Д. IV сесс. 4 марта 1916 г., 2797.
**) Засѣданіе 33, 8 марта, стр. 3023.

„Никакого еврейскаго равноправія въ программѣ блока также нѣтъ. Я это утверждаю... несмотря на ваши (справа) смѣшки" *), авторитетно разъясняетъ невинность національной программы блока октябристъ графъ Капнистъ. И т. д. и т. д. и т. д. Толъ усиленно старались сдѣлать всѣ пункты „условій" наименѣе одіозными для правыхъ, старались черезъ ихъ голову принять передъ начальствомъ видъ невинный и аккуратный

И напрасно, въ началѣ сессіи, гордо заявляли, что, „вопреки встрѣченному ею противодѣйствію, Государственная Дума собирается съ тѣми же настроеніями, съ тѣми же взглядами на свои задачи, какъ и въ день неожиданной отсрочки своихъ занятій" **). На самомъ дѣлѣ измѣнились настроенія, *измѣнились и задачи*. Теперь уже осуществленіе законодательной программы было выдвинуто *на первый планъ*. Или, лучше сказать, несмотря на то, что оба предварительныхъ условія, считавшихся самими творцами блока абсолютно необходимыми для проведенія въ жизнь нужныхъ для побѣды реформъ — кабинетъ, согласившійся съ законодательными учрежденіями, и сплоченное большинство въ обѣихъ палатахъ — *не осуществились*, думское „центральное объединеніе" все-таки рѣшило засѣсть за законодательное творчество, заранѣе обреченное на полный крахъ.

По окончаніи IV сессіи нѣкоторые прогрессивные органы печати пытались „гордиться" именно законодательными результатами сессіи. Но здѣсь опять огромную роль сыграла та странная аберрація, о которой я уже говорилъ. Блоку ставится въ заслугу проведеніе закона о прогрессивно подоходномъ налогѣ (въ программѣ блока вовсе не обозначеннаго), закона о кооперативахъ, о „крестьянскомъ равноправіи", и постановку на очередь реформы земскаго и городского самоуправленія. О законахъ объ Особыхъ Совѣщаніяхъ и о военной цензурѣ предпочитаютъ умалчивать. Стоитъ ли говорить о прогрессивно-подоходномъ налогѣ, пролежавшемъ въ Государственной Думѣ 7 лѣтъ, выдвинутомъ на очередь и отстаивавшемся и кабинетомъ, не только протолкнувшимъ его въ Государственномъ Совѣтѣ, но даже заставившимъ нашихъ лордовъ поднять ставки на крупнѣйшія имущества выше ставокъ, принятыхъ Государственной Думой ***). А вѣдь это единственный законъ, уже нынѣ дѣйствующій, если не считать закона объ Особыхъ Совѣщаніяхъ, законопроектъ о которыхъ былъ внесенъ октябристами еще до блока, былъ принятъ „поневолѣ" кадетами и прогрессистами (послѣдніе успѣли отрицательное свое къ нимъ отношеніе подтвердить и на дѣлѣ). Лучше не вспоминать также

---

*) id., стр. 3020.

**) Стен. отч. IV сессіи, стр. 1247.

***) А вотъ законъ о налогѣ на военную прибыль ни правительство, ни блокъ по собственной иниціативѣ не удосужились внести въ Г. Д. Онъ прошелъ по 87 ст. съ интересной особенностью. По этому закону обложенія избѣгли военные доходы отъ сельско-хозяйственной промышленности! Вообще анализъ отношенія „сплоченнаго большинства Г. Д. къ соціально-экономическимъ проблемамъ военной эпохи — тема очень интересная, но требующая особаго разсмотрѣнія.

и о законопроектѣ о военной цензурѣ, до сихъ поръ, слава Богу, не сдѣлавшемся закономъ и заслужившемъ отъ членовъ же блока слѣдующую характеристику: „Вопросъ печати — это вопросъ права, гражданской свободы, вопросъ нашего политическаго строительства, вопросъ чрезвычайной важности. И вотъ, говорилъ д. Гроздицкій (прогрессистъ) въ засѣданіи 22 февраля т. г., первый же шагъ Государственной Думы въ этомъ направленіи идетъ не въ пользу печати, а *во вредъ ей*". Такой же отзывъ объ этомъ законѣ далъ умѣреннѣйшій „Вѣстникъ Европы", не говоря уже о болѣе лѣвой печати.

Вотъ кооперативный законъ прошелъ въ Государственной Думѣ въ „пріемлемой" для широкихъ круговъ редакціи, но вѣдь всѣмъ отлично извѣстно, что ни одной строчки въ этомъ законѣ членами блока не написано, и былъ онъ внесенъ по предложенію кооперативныхъ учрежденій *всѣми* партіями слѣва на право, кажется, до націоналистовъ включительно. А теперь этотъ законопроектъ „совершенствуется" безпощадно и иниціаторы его, кооперативные дѣятели, думаютъ лишь объ одномъ: какъ бы *помѣшать* появленію въ свѣтъ своего дѣтища, „усовершенствованнаго" государственными старцами *).

Однако при проведеніи кооперативнаго закона думское большинство еще пыталось идти въ ногу съ мнѣніемъ заинтересованныхъ въ законѣ широкихъ общественныхъ круговъ, не считаясь впередъ съ мнѣніемъ Госуд. Совѣта, но скоро этой линіи поведенія пришелъ конецъ. Жажда видѣть плоды своего законодательнаго творчества проведенными въ жизнь, во что бы то ни стало, побѣдила все. Этимъ лѣтомъ, когда ни по земской, ни по городской реформѣ компромисса въ средѣ самого „центральнаго объединенія" не налаживалось, взялись за „крестьянское равноправіе". И уже безъ излишней самоувѣренности заранѣе старались сдѣлать его пріемлемымъ для *стараго* большинства Государственнаго Совѣта. Такъ аргументировалъ, между прочимъ, докладчикъ, В. А. Маклаковъ, свою крайне оппортунистическую политику — отказъ поддержать извѣстную „національную поправку" своей собственной партіи. Необходимо, молъ, сдѣлать законопроектъ пріемлемымъ и осуществимымъ. Я уже не говорю о томъ, что всѣ наши не только принципіальныя, но и дѣловыя поправки отвергались цѣликомъ. „Призывая насъ къ соглашенію, отвѣчали мы докладчику, вы предъявляете однобокій компромиссъ, однобокое соглашеніе, не принятое противоположной стороной" (Г. Совѣтомъ и правительствомъ). И дѣйствительно, если вспомнить всю законодательную дѣятельность Г. Совѣта при блокѣ, то развѣ не былъ вполнѣ логиченъ мой вопросъ тому же

*) Еще интереснѣе исторія съ законопроектами о городскомъ и земскомъ союзахъ (въ программѣ блока таковые значатся). Они покрасовались нѣкоторое время на думской повѣсткѣ, затѣмъ были сняты съ очереди, а вопросъ объ условіяхъ дѣятельности союзовъ прошелъ въ Думѣ при самой будничной, затрапезной обстановкѣ. Такъ поддержала Г. Д. свою цензовую общественность.

докладчику — „Кто же изъ насъ *доктринеръ*, я или ваша комиссія“.

Эта „видимость возможностей“, эти нудныя разсужденія о неотложности реформъ во имя побѣды и это „военное“ творчество по рецепту „спѣшимъ, бѣжимъ“ изъ „Вампуки“ — зрѣлище поистинѣ невѣроятное и небывалое еще ни въ одномъ уважающемъ себя государственномъ учрежденіи въ эпоху дѣйствительно катастрофическую! Законодательное творчество, къ которому предполагалось приступить, предварительно создавъ соотвѣтствующія условія, превратилось въ самодовлѣющее занятіе, симулирующее движеніе, превратилось просто *въ фикцію*, которая должна была поддерживать въ населеніи то ли „бодрость и вѣру“, то ли престижъ самого блока.

Между тѣмъ жизнь не стояла. За стѣнами Таврическаго дворца разыгрывалась великая трагедія, событія все ускоряли свой темпъ. Интересъ, вниманіе къ нимъ массъ все *обострялось*. „Сплоченное большинство“ инстинктивно начинало чувствовать, что вмѣстѣ съ правительствомъ оно само дѣлается объектомъ этого пристальнаго вниманія и, безсильное провести свою программу, все больше и больше склонялось къ использованію законодательной дѣятельности въ цѣляхъ отвлеченія вниманія массъ отъ „серьезныхъ“ мыслей, въ цѣляхъ демагогическихъ. Это можетъ показаться парадоксальнымъ, но послѣдній лѣтній періодъ IV сессіи прошелъ подъ демагогическими лозунгами — равноправія крестьянъ, вѣчной трезвости, нѣмецкаго засилья.

Такъ отказъ отъ соглашенія съ организованной демократіей привелъ къ заигрыванію съ неорганизованной, не сознательной массой — *къ демагогіи*. Починъ въ этомъ принадлежитъ блоку. Онъ создалъ газетную шумиху вокругъ законопроекта о, такъ называемомъ, „крестьянскомъ равноправіи“. Скромную необходимость *поставить штемпель* Государственной Думы на старомъ Указѣ отъ 5-го октября 1906 года „объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій“ для крестьянскаго и др. податныхъ сословій — превратили въ величайшій послѣ 19 февраля актъ окончательнаго раскрѣпощенія крестьянъ и т. п.*).

Заволновалось думское крестьянство. На авансцену всплылъ вѣковѣчный вопросъ „о баринѣ и мужикѣ“. На горизонтѣ появились старые призраки помѣщичьяго лихолѣтія 1905—6 гг., и всѣ хитросплетенія пошли прахомъ:

Гладко вышло на бумагѣ,
Да забыли про овраги —
А по нимъ ходить!

---

*) Интересно, что этотъ „неотложный“ по военнымъ обстоятельствамъ законопроектъ еще очень недавно совсѣмъ по другому расцѣнивался самимъ блокомъ. Въ засѣданіи Г. Д. отъ 7-го марта т. г., когда правый депутатъ упрекалъ блокъ за промедленіе со внесеніемъ, именно, этого законопроекта на повѣстку, графъ Каннистъ съ мѣста заявилъ: „Спѣшности никакой нѣтъ, онъ дѣйствуетъ“, и добавилъ: *„это дѣйствующій указъ 5-го октября“*. Теперь когда мы говоримъ то же самое и указываемъ, что проведеніемъ этого указа черезъ Думу не стоитъ гордиться, намъ кричатъ: „это партійное ослѣпленіе“.

Забыли въ пылу „равненія по большинству“ Государственной Думы о странѣ, о ея боляхъ и нуждахъ и столкнулись съ ними въ самой неожиданной формѣ. Демагогія сдѣлалась оружіемъ окончательнаго *разгрома плана работъ*, выработаннаго бюро блока на лѣтнюю сессію. Сначала вслѣдъ за равноправіемъ на первый планъ выскочила „вѣчная трезвость“, гдѣ „сплоченное большинство“ голосовало уже въ разбродъ. А затѣмъ правые все перепутали, внеся предложеніе о постановкѣ на повѣстку закона о нѣмецкомъ засиліи, закона, такъ тѣсно связаннаго съ вопросами *о землѣ*.

Нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ, нарушая дисциплину, часть членовъ блока голосовала за внѣочередную постановку на повѣстку этого вопроса. Ужъ очень не улыбалась имъ необходимость приступить, наконецъ, къ обсужденію вопроса о реформѣ мѣстнаго самоуправленія, даже въ формулировкѣ самого блока. Я уже упоминалъ, что въ комиссіяхъ по городской и земской реформѣ въ средѣ самаго блока возникли рѣшительныя разногласія. Здѣсь произошло разслоеніе по соціально-сословнымъ интересамъ. Городъ, землевладѣльцы и деревня столкнулись. Старыя соціальныя противорѣчія заговорили съ новой силой. Тутъ то и вскрылась, можетъ быть, *главная причина безсилія* центральнаго объединенія. Оно „сколочено“ изъ элементовъ, *непримиримыхъ въ своихъ основныхъ соціальныхъ тенденціяхъ*. Командующіе элементы мѣстной земской жизни оказались гораздо *ближе по своимъ интересамъ къ своимъ старымъ вождямъ*, сидящимъ въ правительствѣ и Г. Совѣтѣ (Графъ Бобринскій, князь Щербатовъ и др.) И эти общіе интересы сдѣлали вопросъ о необходимости новаго отдыха до глубокой осени желаннымъ и для членовъ самого блока. Перефразируя пословицу, господа депутаты думали: „Осень лѣта мудренѣе, сдѣлаемъ передышку, а тамъ видно будетъ“.

А тутъ урожай. Во второй половинѣ лѣта „аэропланы и цеппелины“ общественной мысли почти безмолвствуютъ. И подъ тихой сѣнью Особыхъ Совѣщаній *подлинное извѣчное сплоченное большинство всѣхъ аграріевъ съ октябристами*, членами законодательныхъ палатъ *во главѣ*, дружно дѣйствовали и проводили единый планъ охраны интересовъ основного сословія, устанавливая „справедливыя“ хлѣбныя цѣны.

Такъ доктринерское построеніе, списанное съ лучшихъ западныхъ образцовъ мирнаго времени, было разбито въ бурю и грозу военной непогоды желѣзной логикой жизни и ея интересовъ! Опытъ борьбы „серединныхъ людей“ на два фронта во имя элементарныхъ государственныхъ задачъ, при условіяхъ весьма благопріятныхъ, *не удался*. Не удался не только по прирожденному русскому juste milieu политическому безсилію и худосочію. Не удался потому, что сейчасъ идетъ вопросъ о самомъ бытіи государства, о великой задачѣ *организаціи* всего населенія, *массъ народныхъ*. Не удался потому, что „равняться“ нужно *по странѣ*, по глубиннымъ ея слоямъ. Попытка всякой другой организаціи роковымъ образомъ обречена была, какъ мы и пред-

сказывали, на полный провалъ. И развѣ въ настоящій моментъ нельзя съ большимъ основаніемъ, чѣмъ когда либо, сказать, что „промедленіе смерти подобно“! Насталъ моментъ, когда мы можемъ и должны требовать, чтобы дверь въ храмъ политическаго творчества была широко открыта передъ демократіей Россіи. Волей или неволей, рано или поздно придется признать, что *внѣ демократіи выхода нѣтъ*!

А. Керенскій.

О. А. ШАПИРЪ.

(1850—1916 гг.)

13-го іюня скончалась Ольга Андреевна Шапиръ. Въ широкихъ общественныхъ кругахъ смерть ея прошла почти незамѣтной, и немного старыхъ друзей и почитателей собралось у гроба покойной писательницы. Шестидесятница по духу и убѣжденіямъ, она всю жизнь оставалась вѣрной славнымъ традиціямъ своей молодости и, конечно, совершенно разошлась съ вкусами и тенденціями современности. Молодое поколѣніе знаетъ ее только по наслышкѣ и едва ли способно увлечься ея произведеніями. Было, однако, время, когда романомъ и повѣстью Ольги Шапиръ зачитывались, когда книжка журнала съ ея разсказомъ разбиралась нарасхватъ, когда ея литературная дѣятельность находила живой откликъ въ сердцахъ молодыхъ читателей и — особенно — читательницъ и играла крупную роль въ распространеніи прогрессивныхъ идей и настроеній.

Ольга Андреевна Шапиръ (урожд. Кислякова) родилась въ 1850 г. въ семьѣ военнаго чиновника изъ крестьянъ. Рано лишившись отца, своимъ воспитаніемъ она была обязана исключительно заботамъ матери и бабушки, культурной шведки. Можно даже сказать, что именно здѣсь, въ семейной атмосферѣ, проникнутой настроеніями глубокой гуманности, искренняго благожелательства къ простому человѣку и неустаннаго труда, и были положены основы того идеалистическаго и прогрессивнаго міровоззрѣнія, которое характеризуетъ О. Шапиръ, какъ писательницу. По окончаніи гимназіи будущая писательница, не попавшая, по обстоятельствамъ семейнаго характера, на только что возникавшіе высшіе женскіе курсы, продолжала проживать въ Ораніенбаумѣ, изрѣдка бывая въ Петербургѣ и усердно занимаясь самообразованіемъ. Замужество прервало эту мирную жизнь, поставивъ передъ ней вопросъ о необходимости заработка, устройства. Собственно, приблизительно съ этого времени (1872 г.) и начинается общественная и литературная дѣятельность О. Шапиръ. Такимъ образомъ, влеченіе къ литературному труду пробудилось въ ней сравнительно поздно, печататься же она стала еще позднѣе (1879 г.). Но достойно вниманія, что уже первое ея произведеніе — разсказъ „Сгоряча“ (о фиктивномъ бракѣ), уничтоженный впослѣдствіи самимъ авторомъ, трактуетъ тѣ темы, которымъ писательница оставалась вѣрной до конца своихъ дней. Это вопросы обще-

ственнаго положенія женщины въ связи съ особенностями ея психическаго склада и проблема взаимоотношенія половъ. Конечно, въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ О. Шапиръ затрагивала и другіе вопросы, но все же именно на этомъ было сосредоточено преимущественно ея вниманіе. Въ автобіографіи она сама такъ характеризуетъ основное содержаніе своей литературной работы: „Ни похвалы, ни порицанія не могли отклонить меня отъ разъ избраннаго пути: никогда не поддѣлываться подъ мужское перо, признавая, что дѣйствительно цѣннымъ вкладомъ можетъ быть только то, что я говорю отъ лица женщины. То, что открыто только женщинѣ въ вѣчной проблемѣ любви, во взаимоотношеніяхъ членовъ семьи и поколѣній и въ общественномъ безправіи женщины". Но, сознательно ограничивая себя въ сюжетѣ, О. Шапиръ менѣе всего была „пѣвцомъ любви" — изобразителемъ женщины исключительно въ ея романтическихъ отношеніяхъ съ мужчиной. Напротивъ, постановка женской проблемы въ произведеніяхъ О. Шапиръ отличается широтой воззрѣнія и разносторонностью исходныхъ точекъ зрѣнія. Во всѣхъ болѣе значительныхъ ея вещахъ — каковы, напримѣръ, „На порогѣ жизни", „Кандидатъ Куратовъ", „Одна изъ многихъ", чрезвычайно любопытный въ бытовомъ отношеніи романъ „Въ бурные годы", повѣсть „Другъ дѣтства" и пр., рѣчь идетъ не только о женскомъ „романѣ" и его судьбахъ, но и о роли женщины въ общественныхъ буряхъ и злобахъ русской жизни. Для Ольги Шапиръ женскій вопросъ никогда не былъ лишь вопросомъ объ эмансипаціи женщины въ семейной и брачной жизни; нетерпимости по отношенію къ мужскому вліянію въ ея книгахъ не встрѣчается вовсе, равно какъ и тенденціи обвинять во всѣхъ неустройствахъ семейной жизни мужчину, приписывая ему всѣ пороки, а женщинѣ всѣ добродѣтели. „Женщина, — неустанно твердитъ О. Шапиръ, — должна быть свободной и равноправной не потому, что ей лично этого хочется и что ее лично тяготитъ матеріальная и душевная зависимость отъ мужчины, но для того, чтобы рядомъ съ этимъ послѣднимъ принять участіе въ строительствѣ родной культуры, чтобы исполнить свои обязанности передъ обществомъ и народомъ. Свобода женщины это — ея долгъ, а не пріятное удовлетвореніе субъективнаго влеченія.

И въ такой постановкѣ женскаго вопроса не только заслуга Ольги Шапиръ передъ русской общественностью, но и причина ея литературнаго успѣха. Не обладая крупнымъ художественнымъ талантомъ — ея изображенія довольно блѣдны, въ характерахъ мало живой индивидуальности, общая компановка часто не выдержана — О. Шапиръ, тѣмъ не менѣе, завоевала себѣ почетное мѣсто въ рядахъ русскихъ беллетристовъ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Дѣло въ томъ, что въ колоссальной культурной работѣ, выполненной за это время русской литературой, кромѣ силы художественнаго дарованія, огромную роль играла еще и идейная мощь писателя, строгая принципіальность его основной позиціи, упорство въ достиженіи намѣченныхъ просвѣтительныхъ цѣлей и готовность всѣмъ жертвовать во имя своихъ идеаловъ. И въ

этой гражданской, учительной литературѣ, преслѣдовавшей сплошь и рядомъ обще-культурныя задачи, О. Шапиръ со своимъ глубоко-прогрессивнымъ и гуманнымъ мировоззрѣніемъ смѣло можетъ занять выдающееся мѣсто. Она была не простымъ рядовымъ великой арміи освободительнаго движенія, но однимъ изъ передовыхъ его застрѣльщиковъ и шла нога въ ногу съ крупнѣйшими представителями его, нынѣ одинъ за другимъ уходящими за предѣлы жизни.

Ушла и Ольга Шапиръ. Но дѣло рукъ ея не пропало втунѣ. И чѣмъ больше и рѣзче жизнь отграничиваетъ насъ отъ нашего недавняго прошлаго, тѣмъ ярче выступаютъ заслуги его представителей передъ современностью. Отходя въ исторію, эти люди — и Ольга Шапиръ между ними — встаютъ передъ нами во всей своей значительности, вызывая чувства глубокаго уваженія и удивленія предъ исполненнымъ ими дѣломъ.

М. Борисовъ.

Отдѣлъ библіографіи не вошелъ въ настоящую книгу по недостатку мѣста.

ONK-59710.